

БИБЛИО ГРАФИЯ

Информационная среда в детской библиотеке

Бизнес-клуб: Рынок ценных бумаг

Библиография и цензура в России

Церковное краеведение и библиография

*Летописец российской революции
(Н.Н.Суханов)*

Борис Вахнюк: Стихи и библиография

Дорога Славы Роберта Хайнлайна

Осип Брик и Владимир Маяковский: Библиография

"Педагогика чтения" Ю.М.Тугова

5

сентябрь-октябрь
1993

В последние годы в публицистике зазвучало новое и живое слово, относящееся к истории отечественной культуры, но в самой науке — громоздкой, неповоротливой, несмелой — ничего по-настоящему не изменилось. Трудно найти хотя бы одну фундаментальную работу, в которой история нашей культуры получила бы новое, основанное на бесспорных фактах, освещение. Таково же положение и в истории библиографии. Не отринута и публично не осуждена деление библиографов прошлого на "наших" и "не наших", на овец и козлиц, на чистых и нечистых. Не пересмотрен имеющий первостепенное значение вопрос о роковом влиянии писаний Добролюбова и Писарева на судьбы отечественной библиографии. Не выявлена роль многих замечательных деятелей — в частности В.Д.Комовского, М.П.Полуденского, М.Н.Лонгинова. Ни в одном труде, ни в одном учебнике нет даже упоминания их имен (разве что Лонгинова — с добавлением ругательных эпитетов). И пора кончать с этим. История отечества, в особенности история культуры, становится, наконец, объектом широчайшего интереса.

Предлагая вниманию читателей заметки историка Любови Моисеевны Равич, канд. пед. наук, доц. Санкт-Петербургского государственного института культуры, мы надеемся, что этот материал положит начало новой рубрике журнала, где будут помещаться лекции преподавателей институтов культуры, содержащие интересные факты истории библиографии.

Л.М.Равич

ДЛЯ ПЕТРОПАВЛОВСКОЙ КРЕПОСТИ НЕДОСЯГАЕМА

Библиография и цензура в России

В 1911 г. Н.А.Рубакин приступил к изданию трехтомного варианта своего знаменитого указателя "Среди книг". Демократ, просветитель, он хотел в этом многопредметном своде дать и

полную картину общественной жизни России. Для этого он пригласил к сотрудничеству видных политологов, историков, этнографов — Г.В.Плеханова, В.И.Семевского, Д.Н.Анучина и др.,

не обошел и представителей радикальных течений. Так, раздел о меньшевизме написал для него Мартов, о большевизме — Ленин. Такая установка привела к тому, что указатель, предназначенный для самообразования и адресованный широкому кругу читающей публики, был буквально наспигован литературой "нежелательной", а то и просто запрещенной и нелегальной.

Выход в свет каждого тома "Среди книг" вызывал широкий отклик в прессе — от левой до крайне правой. В особенности злобствовала последняя. Рецензент "Нового времени" писал: "Много забот правительству дают эти социал-библиографы... Все они хитры, как талейраны: пишут библиографию, не придерешься. Нельзя же запрещать библиографию: тогда Французская академия что скажет. Изумятся англичане, возмутится Берлин. Ни для Петропавловской, ни для Шлиссельбургской крепости библиография недосыгаема"¹.

Этот указатель был, как говорится, бомбой замедленного действия. Человек, воспитанный на подобного рода путеводителе, без сомнения, усваивал антиправительственный образ мыслей. Каким же образом удалось Рубакину провести в печать всю ту взрывчатую литературу, которой переполнен его указатель? Эка важность, — скажет читатель, — ведь это было уже после отмены цензуры, после революции 1905 г.

Но пойдем в глубь истории. Начиная с 1875 г. в течение нескольких

десятилетий выходит в свет указатель Е.И.Якушкина "Обычное право", снабженный рефератами и аннотациями. Читаем одну из них: "Герцен А.И. Русский народ и социализм". (Запрещенное цензурой лондонское издание). А затем библиограф отождествляет взгляды русских крестьян на личную и поземельную собственность со взглядами Герцена. На книге гриф: "Дозволено цензурой".

В 1949 г. в серии "Деятели книги" вышла книжка З.Л.Фрадкиной "В.И.Межов". Вот что она пишет: «Значительный интерес представляет и тот факт, что в период, когда запрещалось даже упоминание в печати имен Герцена и Чернышевского, в период разнузданной, невероятно бессмысленной и зверской реакции, во втором томе "Русской исторической библиографии" Межов привел достаточно полный перечень некрологов и литературы о Герцене, а в четвертом томе дал подробное оглавление сочинений Белинского, Добролюбова и Писарева» (с. 37).

Замечу, что три последних автора никогда в России под запретом не были, а перечисление некрологов Герцена говорит лишь о том, что они были напечатаны в отечественной прессе (зарубежная литература в указателе не отражена). Но это — мелочи, интереснее другое: у молодой тогда исследовательницы, прошедшей школу А.Д.Эйхенгольца, не возник вопрос: как же в эпоху "зверской" реакции умереннейший Межов преспокойно включил в свой указатель (прошедший к тому же цензуру) всю эту литературу?

Но пойдем дальше. Перед нами другой библиограф, которому гораздо

¹Цит. по кн.: Рубакин А. Н. Н.А.Рубакин: (Лецман книжного моря). М., 1967. С. 91. (Жизнь замечательных людей).

меньше повезло в нашей историко-библиографической литературе, — Г.Н.Геннади. В его трудах запрещенной литературы куда больше, чем у Межова, ибо он хорошо знал и широко использовал зарубежную печать. В частности, те же некрологи Герцена в его "Справочном словаре о русских писателях и ученых" (Т. 1. 1876) взяты из основных газет Западной Европы. В этом же указателе — полная библиография литераторов-декабристов, того же Герцена, князя П.В.Долгорукова (которого, по мнению Н.Я.Эйдезмана, власти боялись чуть ли не больше, чем Искандера), не говоря уже о Белинском, Добролюбове, Писареве. Еще более впечатляет его небольшой, но чрезвычайно насыщенный указатель "Les écrivains franco-russes" ("Русско-французские писатели"), изданный в 1874 г. в Дрездене, но широко обращавшийся в России. Сама специфика этого труда такова, что основной его массив занимает запрещенная литература: сочинения Герцена, Чаадаева, Долгорукова, Н.И.Тургенева, И.С.Гагарина и др.

Я уже не говорю о том, что издававшиеся вполне свободно каталоги личных собраний русских библиофилов были буквально переполнены запрещенной литературой: наличие ее было предметом гордости владельца. Если он обладал "Путешествием из Петербурга в Москву" или "Вадимом Новгородским" Княжнина — изданием, уничтоженным по приказу Екатерины II, то с гордостью оповещал об этом. Сводная работа такого рода — "Русские книжные редкости" Геннади (1871) не только фиксирует все это, но и называет имена счастливых, обладавших "запретными плодами".

Так все-таки — в чем тут дело? Ответ на этот вопрос уже дал цитированный выше нововременец: фундаментальная библиография приравнивалась к научной литературе. Вот и все. А последняя не подвергалась общей цензуре даже во времена Николая I. И Академия наук, и университеты, и некоторые научные общества издавали свои труды без цензуры. Приведу такой малоизвестный факт: когда в начале 1860-х гг. Общество любителей российской словесности при Московском университете обратилось с ходатайством о предоставлении ему права издавать свои труды без цензуры и получило отказ, его председатель М.П.Погодин и секретарь М.Н.Лонгинов были настолько возмущены, что сложили свои полномочия, усмотрев в этом недоверие лично к ним. Гневная речь Лонгинова, тогда большого либерала, в адрес "петербургского канцелярского олимпа", произнесенная им в публичном заседании Общества, была затем перепечатана в первом и единственном вышедшем томе его сочинений (М., 1915).

Библиография, даже когда и проходила цензуру (бывали и такие крутые времена), все же имела возможность говорить о таких авторах и сочинениях, о которых нечего было и думать упоминать в периодике. Хочу подчеркнуть: здесь речь идет о "большой", фундаментальной библиографии, а отнюдь не о каких-нибудь списках для кружковых надобностей. Не пользовались льготами и "программы для домашнего чтения", предназначенные для "зеленой" молодежи и поэтому строго и бдительно цензуруемые. Но в общем потоке русской библиогра-

фии, и тем более в ее истории, эта категория указателей занимала весьма незначительное место и не определяла ее развитие.

Те, кто читал "Историю русской библиографии до начала XX века" Н.В.Здобнова, могут мне возразить: а как же быть с "радищевской" страницей, вырезанной цензурой из "Опыта российской библиографии" В.С.Сопикова? Действительно, было такое. Как это случилось?

Василий Сопиков, выбившийся в сотрудники Императорской Публичной библиотеки из мещанского сословия, всю свою добиблютечную жизнь торговал книгами и знавший, как никто, русского читателя, побоялся, что труд его покажется сухим и недобочитаемым, и поэтому решил разбросать цветы красноречия на поле библиографии. В основном, это были отрывки из сочинений французских просветителей, из отечественных же, кроме Радищева, в ораторском жанре никого не было. Сопиков не мог не знать, что книга "Путешествие из Петербурга в Москву" была запрещена, а автор ее сослан, но все же сделал попытку дать отрывок из полюбившегося ему, к тому же редкого, сочинения. Конечно, цензура не могла пропустить цитату из запрещенного произведения (этот запрет существовал вплоть до революции 1905 г.) — и страница была вырезана, но тем не менее библиографические сведения о Радищеве были сохранены, так же как и о запретном "Вадиме Новгородском".

Наличие в работах того или иного библиографа описания трудов Белинского, Добролюбова, Герцена, Огарева, Чернышевского, Писарева — тех,

кого мы, выстроив в одну шеренгу, невзирая на их колоссальные различия, называем революционными демократами, — ровно ничего "идеологического" не означает и не может служить патентом на прогрессивность. В подавляющем большинстве случаев это свидетельствует лишь о научной добросовестности.

Иначе обстоит дело с Новиковым и Радищевым. Молодые библиографы середины прошлого века, как только появилась возможность сообщить об этих людях, буквально атаковали цензуру, добиваясь опубликования их сочинений, жизнеописания и документов, с ними связанных. Напомню, что публикация документов была также прерогативой библиографа. Новикова, который был кумиром русских библиографов, ценили за его громадные заслуги в деле просвещения, что же касается Радищева, то как было не увлечься человеком, сказавшим пронзительные слова: "Я взглянул окрест себя — душа моя страданиями человеческими уязвлена стала"?

Хочу сказать адептам монархизма, коих ныне развелось великое множество: нет, не идилическим было положение библиографии в царской России. Государство ничего или почти ничего для нее не делало. Все ее достижения — плод усилий одиночек — бескорыстных энтузиастов. Цензура не вымарывала из фундаментальных библиографических указателей никаких, даже самых одиозных имен — вот и вся "помощь". Но и это было, конечно, немаловажно, ибо давало библиографии возможность полноценно выполнять свою основную функцию — информационную.

Все изменилось с победой больше-

виков. Библиография пошла по линии политехпросвета, и то, что было ранее ее маленьким ответвлением, стало главным, а то, что составляло славу русской библиографии, было попросту растоптано. Надо полагать, что Н.К.Крупская (с ее кругозором учительницы воскресной школы) и ее соратники (тот же Троповский, выпускник Сорбонны, нанесший непоправимый урон фундаментальной библиографии) были движимы самыми добрыми намерениями: научить этот несчастный, темный, безграмотный народ пользоваться "книжечками". Да только мы знаем, куда ведет дорога, вымощенная благими намерениями.

В результате этой, длившейся десятилетиями, близорукой политики мы и теперь еще не имеем репертуара русской книги золотого XIX в. – позор, которому нет равного в цивилизованном мире. Зато силы, умение, время, бумага, деньги тратились на создание рекомендательных однодневок, от которых не было даже той пользы, на которую рассчитывала власть предрешающая: они никого не воспитали в коммунистическом духе. И вообще ни в каком. И если "идеалист" Н.А.Рубакин давал своему потенциальному читателю двадцать тысяч книг на нужды самообразования, уважая его и веря в него, то попытка создать "советского Рубакина" – трехтомник "Книга о книгах", предпринятая в 1969 – 1970 гг. Библиотекой им. В.И.Ленина, обернулась конфузом. Культура мстит за свое поругание.

Тема "библиография и цензура" имеет еще один, весьма любопытный аспект: судьба и бытование в обществе цензурной, "официальной" библиографии.

В истории отечественной библиографии принято деление государственной библиографической регистрации на три этапа: 1837 – 1855 гг., 1869 – 1902 гг., 1907 г. – до настоящего времени. Сам этот факт несколько странен. Что это за государственная библиография, которая то появляется, то исчезает? Такого нет ни в одной стране. Но, как известно, Россию "аршином общим не измерить".

Первый этап, самый темный, был в свое время объектом изучения классика истории библиографии Н.В.Здобнова. Ему он посвятил не только главу в своей известной монографии, но и отдельную статью². Его концепция, построенная на ряде остроумно подобранных эффектных фактов, имеющих, правда, лишь косвенное отношение к теме, сводится к такой схеме: Период реакции. Николай Палкин. Жандарм Европы. Вездесущий Бенкендорф. Зловещий Уваров. Только что убит Пушкин... И по логике, весьма популярной (хотя и отнюдь не тотальной) в 30-е гг., выходило, что при подобных обстоятельствах государственная библиография могла иметь только одну цель: полицейский надзор за печатью. Особенно много внимания уделил историк "Журналу Министерства народного просвещения", в котором и печаталась библиография, не замечая, что это подрывает его концепцию, ибо если библиография была действительно государственной, то ни характер журнала, ни свойства его редактора Сербиновича (названного "цепным псом николаев-

²Здобнов Н. В. Государственная библиографическая регистрация при царизме // Сов. библиогр. 1935. № 4. С. 75 – 96.

ского режима") здесь совершенно ни при чем.

Утверждать, что Н.В.Здобнов шел в этом вопросе по обязательному в те годы пути и что иначе писать тогда было невозможно (такая постановка вопроса нынче в моде), – совершенно неверно. Достаточно сказать, что в самом страшном 1937 г. с ним яростно спорил Н.Н.Аблов³, доказывавший, что эта библиография вовсе не была государственной и тем более "цензурно-полицейской", а возникла по инициативе Сербиновича (библиографа и автора примечаний к последнему тому "Истории государства Российского" Карамзина). Опровергая его, Здобнов написал работу под устрашающим заглавием "Библиограф-фальсификатор". К счастью, она осталась неопубликованной (хранится в архиве Здобнова, указано М.В.Машковой). Оба исследователя заблуждались, но Аблов был все же ближе к истине.

Историков библиографии, даже такого смелого в выводах, как Н.В.Здобнов, смущало одно странное обстоятельство: возникновение в 1837 г. "Указателя вновь выходящих книг" не предвлялось никакими правительственными постановлениями. Между тем ясно, что государственная библиографическая регистрация в любой стране может возникнуть только по распоряжению высшей власти. Скажем, во Франции для этого понадобился специальный декрет Наполеона 1811 г. Тем более такой порядок должен, по логике, быть и в России,

ибо Николай I любил вникать во все, – ведь он считал себя компетентным в любом вопросе, совсем как наш "корифей всех наук". А тут такое важное начинание – и полное отсутствие рескриптов вышней власти.

Но наших историков смутить трудно. У них на все есть готовый ответ. Так и тут: Здобнов писал, что цели этой ("полицейской") библиографии были настолько постыдными, что власти не решились объявить о них во всеуслышание (экое наивное представление о стыдливости самого бесстыдного из Романовых!). Историк предположил также, что "Указатель..." составлялся в каком-то тайном учреждении и что поэтому его авторы ("незаконные библиографы") "обрекли себя на неизвестность".

Более поздние исследователи, в частности С.А.Рейсер, чувствуя неблагополучие в этом построении, пытались смягчить жесткую схему Здобнова, связав "Указатель..." с "учением Ленина о двух культурах" (хотя непонятно, при чем здесь это "учение", не говоря уже о том, что весьма трудно представить себе "культуру Пуришкевича", которую наш вождь противопоставил "культуре Чернышевского"). При этом появилась возможность выдвинуть идею о двойственной природе этой библиографии. Склоняется к такой концепции и П.Н.Берков. С одной стороны, она, дескать, действительно имела надзирающие функции, но, с другой, – преследовала и культурные цели. Кроме того, выяснилось немаловажное обстоятельство. Как раз в эти годы Уваров в ежегодно печатавшихся отчетах по Министерству народного просвещения среди прочих достижений Министерства назы-

³Аблов Н. Н. К столетию первой попытки "официальной" (в кавычках! – Л.Р.) регистрации печати в России (1837 – 1855 гг.) // Там же. 1937. № 1. С. 95 – 108.

вал и "Указатель вновь выходящих книг". Если бы "Указатель..." возник по высочайшей воле, Уваров не посмел бы хвастаться им, а только отметил бы свое усердие в выполнении установлений правительства. Но наши историки не приняли это во внимание.

Еще более важное открытие сделала М.В.Сокурова в работе "Общие библиографии русских книг гражданской печати", изданной Публичной библиотекой в 1956 г. Она первая обратилась к архивным материалам и выяснила, что "Указатель..." составлялся вовсе не в подполье царского режима, а в обычной канцелярии Министерства народного просвещения, силами ее чиновников. К сожалению, из своего открытия она не сделала никаких выводов, хотя они напрашивались. В ее книге версия Здобнова повторяется без попыток критического осмысления (с. 113 - 117).

Когда в России идет речь о культурном мероприятии даже государственного уровня, надо искать конкретного человека (иной раз даже не сановного), который являлся инициатором этого дела, ибо сами Романовы (даже приличнейший из них - Александр II) не только не пеклись о культуре, но были, в сущности, враждебны ей, особенно печати, которую постоянно стремились "обуздать". Такой путь - поиск конкретного человека - почти всегда правилен. Мне приходилось не раз убеждаться в этом.

Итак, кто же был директором канцелярии Министерства народного просвещения, в которой составлялся "Указатель вновь выходящих книг"? Ответ дает "Адрес-календарь Российской империи": Василий Дмитриевич Комовский - переводчик Шлегеля и

Менцеля, эрудит, видный библиограф. Ему принадлежит первый в России сводный годовой библиографический указатель за 1829 г., опубликованный в "Московском вестнике", он - автор превосходного, снабженного статистическими таблицами критико-библиографического обзора печати за 1833 г. (Журн. М-ва нар. просвещения. 1834. № 5), составитель первой в России библиографии скандинавской литературы, предназначенной для "Европейца" Киреевского и не попавшей в печать из-за запрещения журнала правительством. Кроме того, он редактировал первое издание стихотворений Н.М.Языкова, и, как выяснил М.К.Азадовский, это он настоял на включении вольнолюбивого новгородского цикла, от которого сам поэт хотел уже было отказаться. Это он буквально сражался с цензурой за сборник русских народных песен, собранных Киреевскими.

Печатных материалов о Комовском почти нет. В основном - это добрые упоминания в мемуарах современников. В своем известном дневнике А.В.Никитенко пишет о нем как о человеке "с душою чисто шиллеровского покроя". Но для нашей темы это мало что дает, кроме, может быть, сомнений в том, что такой человек мог участвовать в каком-то позорном мероприятии. Но существует громадный языковский архив в ИРЛИ, в нем - переписка Комовского с братьями Языковыми, в особенности со старшим, Александром Михайловичем, другом его до смертного часа. К сожалению, писем за первую половину 1837 г. нет: они были вынуты и так основательно спрятаны, что не найдены до сих пор. Дело в том, что

Комовский (он жил в Петербурге, а Языков - в своем симбирском имении) сообщал им в письмах все, что мог узнать о дуэли и гибели Пушкина, а знал он очень многое, поскольку был лично знаком с поэтом, тот бывал у него дома (старший брат Василия Дмитриевича, Сергей, - лицейский однокашник поэта). Можно себе представить (хотя бы по ответам Языкова), что там было, в этих письмах. Известно, что некоторые близкие поэту люди собирали некое досье на его убийц ("адские козни", как писал Вяземский); по всей видимости, делал это и Комовский. Так, А.М.Языков благодарит его за то, что он снабдил его многими документами, относящимися к дуэльной истории.

Письма за роковой январь 1837 г. и за последующие несколько месяцев отсутствуют, а они-то как раз и нужны историкам библиографии. Но есть много писем за предшествующие годы, из которых выясняется роль А.М.Языкова как инициатора всех библиографических работ Комовского, в том числе тех, которые выполнены по цензурным материалам Министерства народного просвещения. "Вы были побудителем Николая Михайловича (поэта) и моим" - вот постоянный мотив его писем. К сожалению, историкам библиографии неизвестны взгляды Языкова, а он понимал библиографию, в частности, регистрационную, так широко, как, пожалуй, ни один из его современников. Так, благодаря Комовского за присылку списка книг 1829 г., он пишет, что надо бы собрать сведения и о книгах, не прошедших министерскую цензуру, "и мы, наконец, получим полную библиографию хотя одного года; сколько сооб-

ражений можно из оной вывести, сколько примечаний можно к ней прибавить! Тут есть об чем потолковать знатоку и наблюдателю успехов нашего просвещения; по этим фактам всякий увидит, в которую сторону мы развиваемся более, в которую менее и в которую совсем не развиваемся, а мыслитель может с высшей точки воззрения показать, как должно нам развиваться, подкрепив это как доводами, выведенными из характера народа, из требований современного просвещения и из идеи человечества"⁴.

Языков сразу понял, какие возможности открываются перед его другом в министерстве, библиотека которого получала все книги, прошедшие цензуру. И если мы точно знаем, что все предшествовавшие библиографические работы выполнены Комовским по совету и настояниям Языкова, то можно предположить, что он имел отношение и к "Указателю вновь выходящих книг". О том, что к этому изданию "приложил руку" Комовский, говорит и то обстоятельство, что схема классификации, по которой располагались описания в этом указателе (и которая не похожа ни на одну из современных), - та же, что и в других библиографических работах этого автора. Как бы там ни было, перед нами интереснейшее явление - перерастание цензурных списков в факт библиографии, в факт культуры.

Дело, видимо, обстояло так: Языков подал идею, Комовский разработал подробный проект, представил его

⁴См.: Ра в и ч Л. М. Из истории государственной регистрации произведений печати в дореволюционной России // Труды ЛГБИ. Т. 3. Л., 1957. С. 213 - 214.

Уварову, а тот увидел в этом еще одну возможность продемонстрировать успехи своего министерства. Под рукою был собственный журнал, был штат чиновников особых поручений (большею частью бездельничавших), которых можно было научить описывать книги по образцам, — и дело пошло. Историк не следует забывать и о том, что С.С.Уваров (при всей непривлекательности его нравственного облика) был как-никак ученый-эллинист. Он не мог не оценить идею Комовского — и не только как глава министерства.

А как же Сербинович, которого Н.Н.Аблов желал видеть автором "Указателя вновь выходящих книг"? Без него дело тоже не обошлось, но гораздо позднее. Когда умер Комовский (1851), и "Указатель..." стал выходить нерегулярно (не стало "побудителя"!), то Сербинович, как редактор журнала, стал бить тревогу. Есть весьма любопытный документ: его письмо к новому директору канцелярии министерства В.И.Кузнецову: "По утвержденному начальством (а не государем! — Л.Р.) плану журнала Министерства народного просвещения, в прибавлениях к нему помещается Указатель выходящих в России и Царстве Польском книг. Этот указатель получается редакцию из канцелярии министра и прежде поставлялся своевременно, а теперь это делается так поздно, что указатель книг за Генварь и Февраль пришлось поместить в июньской книжке"⁵. Этот Кузнецов, к слову говоря, был членом организованного при министре народного просвещения секретного комите-

та "людей истинно способных", в задачу которого входил негласный надзор за цензурой, — и он же ничего не знает об "Указателе вновь выходящих книг", явно не связывая его со своей деятельностью "надзирателя".

Но вот ушел и Сербинович. Наступили новые времена. Почил в Бозе Незабвенный Родитель. Редактором журнала назначается либеральный цензор А.В.Никитенко. Реорганизуя издание, он выбрасывает из его программы и "Указатель вновь выходящих книг". Нет, конечно, не потому, что видел в нем "цензурно-полицейское орудие" (над такими орудиями он не был властен), а потому, что считал принадлежностью специального журнала библиографию по гуманитарным дисциплинам и, в частности, по педагогике, а не "всякого сбора" (его выражение). Так канула в небытие "государственная библиография", и страна почти на полтора десятилетия была лишена полноценной библиографической информации. Некоторые "толстые" журналы пытались на своих страницах организовать нечто подобное, но этот жанр оказался противопоставленным универсальной периодике.

Еще одно соображение, прежде чем перейти ко второму "этапу". Во времена Николая I в России практиковалась предварительная цензура для всех видов печатной продукции (а некоторые книги проходили последовательно несколько цензур: общую, духовную, военную и т.п.). При такой системе не было надобности в "надзирающей" библиографии, к тому же печатавшейся для всеобщего сведения ("Журнал Министерства народного просвещения" можно было купить в любой книжной лавке). Составлялись

рукописные цензурные списки, и этого было более чем достаточно. Надзор осуществлялся не после, а до опубликования книги. Об этом следует помнить историкам государственной библиографии.

Иное положение сложилось после цензурной реформы 1865 г., когда была отменена предварительная цензура для большинства изданий, а вместо нее вводилась цензура карательная. Это означало, что издатель может выпустить в свет любую книгу, но если в ней обнаруживалось нечто противоправительственное, он подвергался судебному или административному преследованию. Цензурные списки, таким образом, перестали существовать, и вот тут-то понадобилась "надзирающая" библиография. Цензура из мирного Министерства народного просвещения была передана в Министерство внутренних дел, обладавшее карательным аппаратом; при нем было организовано Главное управление по делам печати, где сосредоточивались все вышедшие книги. И вот в 1869 г. на страницах "Правительственного вестника" началась публикация списков литературы, выходящей в империи. Их уже можно без натяжек считать государственной библиографией.

Составлялась она, надо сказать, весьма неважно, ни в какое сравнение с "Указателем вновь выходящих книг" не шла; пользоваться ею было трудно, а ведь нужда в библиографической информации возрастала вместе с культурой страны. Требовались кардинальные улучшения. И снова помог конкретный человек.

В конце 1871 г. начальником Главного управления по делам печати становится известный библиограф, библи-

офил и историк литературы Михаил Николаевич Лонгинов. Его деятельность на этом посту была ознаменована объявлением войны нигилистам и свирепыми преследованиями "нежелательной" литературы, поэтому он у нас предан остракизму, и историки забывают о его больших заслугах перед библиографией, в том числе и государственной. Практика сожжения запрещенных книг и "обращения их в бумажную массу" началась еще при предшественнике Лонгинова генерале Шидловском, призванном Александром II для "обуздания" печати, но не оправдавшем надежд. Оказалось (кто бы мог подумать!), что физическое уничтожение произведений печати не может препятствовать распространению нежелательных идей и мнений.

Придя в Управление, Лонгинов организует "Указатель по делам печати" — журнал, выходивший два раза в месяц и содержащий как списки новых книг, так и всевозможные сведения по вопросам печати, а также информацию о театрах, книжных магазинах и т.п. Издание нашло неожиданно широкую читательскую аудиторию среди деятелей книжного дела и науки. И когда в 1875 г. Лонгинов умер, а его детище, как и следовало ожидать, стало агонизировать, его запросили у министерства в аренду петербургские книгопродавцы. Но им оказалось это дело не по силам и средствам, и в конце 1878 г. издание благополучно скончалось. Регистрация книг в "Правительственном вестнике" продолжалась, но хуже и менее регулярно, и, наконец, в 1902 г. прекратилась без объявления причин.

Но на дворе был уже XX век, и капризы власти встречали противодей-

⁵Там же. С. 222 — 223.

ствие. Академия наук, Русское библиологическое общество, вся научная общественность стали настойчиво требовать возобновления государственной библиографической регистрации. Но только в 1907 г., пережив бури первой русской революции (а с ней и явочную отмену цензуры, которая была возобновлена в эпоху "контрреформ" Александра III), правительство выделило средства для издания "Книжной летописи".

Это уже, казалось бы, настоящая, прочная государственная библиография, а между тем в 1913 г. она чуть было не прекратила существование из-за недостатка средств⁶.

Кроме государственной библиографической регистрации, существовала и подлинно цензурная библиография: списки запрещенных книг. При Николае I запрещенных русских книг благодаря бдительности цензуры не существовало (за 30 лет было запрещено всего 25 книг — менее одной книги в год. Понятно, что никаких списков для этого не было нужно. Зато были запрещены лучшие журналы эпохи — "Московский телеграф", "Телескоп" и "Европеец"), а вот иностранные, ввозимые из-за границы, были, и в ведомстве цензуры списки таковых составлялись, но лишь рукописные, для чиновников этого ведомства. Затем они стали публиковаться, а с отменой предварительной цензуры появились и списки русских запрещенных книг. Библиография запрещенных иностранных изданий публиковалась в "Указателе по делам печати", списки

же запрещенных отечественных изданий никогда не акцизировались. Между тем они весьма интересовали книжников, библиофилов в особенности.

Вот живая картинка с натуры. В апреле 1873 г. известный книгособиратель из купцов Ф. Березин-Ширяев наносит визит его превосходительству Михаилу Николаевичу Лонгинову. Он с ним лично еще не знаком, но желает поднести ему как глубоко чтимому коллеге по библиофильству и библиографии, только что вышедший том описания своей библиотеки. Происходит приятный разговор, и осмелевший гость обращается к хозяину с просьбой. «Я скажишь Березин-Ширяев в своих воспоминаниях, — что весьма желал бы иметь каталоги, изданные цензурным комитетом о запрещенных книгах. Я вам с удовольствием пришлю, с поспешностью сказал Лонгинов, только сообщите мне ваш адрес, да их доставить». Затем он записал памятную книжку места моего жительства и добавил: "Доставлю вам в каталоги, какие найдутся, как русских, так и иностранных книг"⁷.

Не правда ли, любопытно? Книжники, библиофильские книготорговцы, просто любознательные читатели "весьма желали бы" иметь официальные списки русских запрещенных книг, конечно, для целей, прямо противоположных тем, для коих они издавали. Заметим, с какой готовностью ("поспешностью") начальник Главного управления по

⁶См.: Равич Л. М. Материалы к истории "Книжной летописи" // Труды ЛГБИ. Т. 4. Л., 1958. С. 306 — 307.

⁷Березин-Ширяев Я. Ф. Михаил Николаевич Лонгинов: (Из воспоминаний библиофила) // Библиограф. 1892. № 2. С. 52 — 53.

делам печати обещает доставить эти секретные списки человеку, которого он видит впервые. Но это — свой брат библиофил, от таких нет тайн.

Подведу некоторые итоги. История взаимоотношений библиографии с цензурой, а также история государственной библиографии в России в целом еще не изучены. Их надо писать по-новому, без поношения "бдительного начальственного ока", как Н.В.Здобнов назвал благороднейшего В.Д.Комовского, очевидно, полагая, что всякий, кто служил в дореволюционных мини-

стерствах, был непременно верным слугою режима.

Наша историческая наука равнодушна к единичному, к личности. Она величественно оперирует категориями, полагая, что такой путь приведет к пониманию исторических обстоятельств. Этот идеологический терроризм делает реальную историю совершенно неузнаваемой, а ее персонажей — неразличимыми. Такое положение особенно нетерпимо в истории культуры, существенной частью которой является книжное дело и библиография.